

A glass vase filled with water and several small, delicate white flowers with thin green stems. The vase sits on a dark wooden surface. The background is a soft, out-of-focus blue and white bokeh. A few small white flowers are scattered on the wooden surface in the foreground.

12+

Широкова Виолетта

Лизонька

Виолетта Леонидовна Широкова Лизонька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43616432

SelfPub; 2019

Аннотация

История из жизни соседей. Взаимоотношения. Жизненные наблюдения. С точки зрения ребенка.

Содержание

Лизонька. Часть 3. Мебель.	11
Лизонька. Часть 4. Витька Пудовкин.	14
Лизонька. Часть 5. Блажная.	20
Лизонька. Часть 6. Становление.	24
Лизонька. Часть 7. Табуреточка.	26
Лизонька. Часть 9. Страсть.	37
Лизонька. Часть 10. Зеленое яблоко.	44
Лизонька. Часть 11. Вот и все.	48
Лизонька. Часть 12. Все конечно.	54

Лизонька. Часть 1. Дорогая женщина.

Умерла соседка. По старому дому.

Жили рядом много лет. Десятков лет.

Квартиры на одной лестничной площадке.

Дверь в дверь.

В старом городском центре.

Моя мама в этом доме выросла. И я родилась.

Потом разъехались все. Кто куда.

Виделись редко.

Больше созванивались. Поздравлялись.

По старой памяти. Не чужие же люди.

Остались на весь дом несколько стариков. Аборигены.

Уходящая натура.

И вот звонок. Ранний.

Тревожный. Как все ранние звонки.

Всё.

Умерла Лизонька. Отмучалась.

Лизонька была из тех самых аборигенов.

Она была всегда. Сколько себя помню.

1930 года рождения.

Получается что ей, без малого, 90 лет.

Сегодня и выяснилось. На похоронах.

Лизонька свой возраст скрывала. Всегда.

Молодилась. Кокетничала. Маскировала. Припудривала.

Боялась старости. Презирала немощь.

Мы все помним Лизоньку красивой и яркой.

Вальяжной и значимой.

Дорогая женщина. Достаток читался.

Модница.

Чалма на голове. Кудряшки. Перманент.

Панбархат.

Шелковые халаты.

Немецкая комбинация. С кружевом.

Воздушные пеньюары. Тапочки на каблукке. С пушком.

На каждом пальце по перстню.

Массивные. С рубинами.

Сережки кольцами до плеч. Золотые. Тяжелые.

Печатки и подвески.

Цепочки и браслеты.

Часики и кулоны.

Лаковые сумочки-ридикюли. Туфли на платформе.

Сапожки и кепи. Шубы и шапки. Дубленки.

Мохеровые шарфы. Шали с люрексом.

Тушь, помада и духи.

Ну и конечно же, золотые зубы. Коронки.

Все это появлялось у Лизоньки одной из первых.

В городе.

Лизонька была директором центрального универмага.

Торговым работником. Советским.

Зимой она угощала нас апельсинами.

Яркие фрукты. Оранжевые. Нереальные.

Приносила в авоське.

Запросто. Несколько килограмм.

Потом бананами.

Редкими и экзотичными.

Мы послушно ели. Недоумевали.

Зеленые. Твердые. Пресные. Странные.

Мыльные какие-то.

Как их только негры в Африке едят? Каждый день?

Шоколад, чай и кофе перепали нам по-соседски. По дружбе.

На самом деле за услуги.

Мы были единственными хранителями ключей от Лизонькиной квартиры.

Открывали и закрывали ее, когда приезжали водители и курьеры. Выгружали. И загрузили.

Передавали и принимали.

Лизонька нам доверяла.

Мы с сестрой, как бешеные муравьи, таскали на этаж пакеты и свертки.

Коробки. Большие и маленькие. Помогали.

Лизонька была родом из деревни.

Маленькой. Далекой. Сибирской.

Рыбацкой. На берегу реки. На 20 дворов.

В городе пообтерлась. Обосновалась. Освоилась. Прижилась.

Но простые блюда из рациона не исключила.

Капустку квашеную. Картошечку жареную. На сале. Со

шкварками. Селедочку с лучком.

Блаженство. Запахи плыли по подъезду.

Горячую сковородку с картошкой снимала с огня, используя вместо прихватки, подол дорогого платья.

Из панбархата.

Долго не раздумывая. По-деревенски.

Лизонька. Часть 2. Закрома Родины.

В квартире у Лизоньки все соответствовало.

Статусу.

Ковры. В каждой комнате. На полу. На стенах.

И даже в прихожей.

Сервизы. Чайные. Кофейные. Столовые.

Мадонна. Бензиновые разводы и позолота.

Миниатюрные кофейные пары.

Как игрушечные.

Тончайший фарфор.

Костяной. Невесомый. Прозрачный. Дорогой.

За стеклом сервантов.

Горки. Фигурки. Статуэтки.

Хрусталь. Богемский.

Нарезка «звездочка». Ручная работа.

Недолюбливала Лизонька штамповку.

Лодочки и лотосы. Конфетницы и салатницы-ладьи.

Графины и фужеры. Штофы и стопки.

Цветочные вазы всех размеров. Пусть будут.

И даже огромная хрустальная крюшонница.

Средних размеров таз.

Из хрусталя. Чешского.

Вряд ли кто-либо использовал эту крышонницу по назначению.

С самого момента приобретения.

Лизонька уважала напитки простые, понятные.

Отечественные.

Весь хрусталь, как детские песочные формочки, друг в друге.

Для экономии места.

Мельхиоровые ложки с позолотой. Наборами.

Шкафы с постельным бельем. В упаковках.

Платяные шкафы с одеждой.

С бирками и этикетками.

Плотно забитые.

Холодильник и морозильная камера были полны продуктов.

Ломились дефицитом.

Сыры и колбасы. Масло.

Ветчина и все виды мяса. Икра.

Творог и сметана. Фрукты. Конфитюры.

И, смешно сказать, шпроты.

В длинных банках.

Ждали своего часа. Гостя.

В баре – коньяк. И водочка.

И бальзам. Рижский. Для здоровья.

Конфеты и шоколад.

Арахис в белой глазури. В хрустальной корзинке.

Все дорого-богато. Шикарно.

Телевизор! Сначала черно-белый. А потом и цветной.

Телевизор на кухне. Маленький. В красном корпусе.

И проигрыватель у Лизоньки имелся. И магнитофон.

Большие пластинки. Яркие футляры.

Непонятные слова. Иностранные.

Все такое нереальное. Заграничное. Чужое. Манящее.

Высоцкого впервые мы услышали тоже у Лизоньки.

Из динамика бобинного магнитофона.

Дети. Что мы вообще могли понять из его талантливой поэзии?

Уловить, услышать в этом надрыве?

В мятежных, тайных, взрослых стихах?

Осмыслить в рваных, как выстрелы, рифмах.

Через шуршание многоцветной записи. Через дефекты пленки.

Но ритм, накал, хриплый голос, нас завораживали.

Мы молча слушали. Как откровения.

До сих пор помню все эти тексты наизусть.

С первых аккордов узнаю любую его песню.

Вряд ли Лизонька вникала в подтексты, двойное дно, смыслы творчества барда.

Ее радовал сам факт наличия магнитофона. Модной новинки.

Всеобщих восторгов.

И запрещенного Высоцкого.

Для монументального магнитофона был выделен столик.

С салфеткой. Кружевной.

На нем он и красовался. Как патефон, у купцов.

Лизонька. Часть 3. Мебель.

Самой неотразимой была мебель.

Произведение мастеров страны соцлагеря.

Венец творенья!

Темный орех. Натуральный шпон.

Завитушки и молдинги.

Жилая комната и спальня. Прихожая и кабинет.

Все в едином стиле.

По всей квартире. Красота!

«А вот и мои мебельЯ! ГДР! 39 предметов!» – сообщала

гордая Лизонька.

Мебеля произносилось со значением. С ударением на последний слог.

И «тридцатьдевятьпредметов» прямо выпевалось ею.

Деревня выпирала из Лизоньки.

Кичилась и хвасталась. Беззастенчиво.

Разводила широко руками.

Самоутверждалась перед посетителем.

Проводила экскурсию по квартире.

Ах!

Экскурсанты замирали от восторга!

Сразу чувствовали слабость в ногах.

Лизонька самодовольно улыбалась.

Письменный стол и кресло. Обеденный стол. Раздвижной.

Шесть стульев. Причудливые ножки.

Пуфики, банкетки, комоды. Столики и тумбочки.

Кровать и прикроватная скамья.

Софа.

Низкая табуреточка под ноги. Лизонькины. Уставшие.

Такая миленькая! На трех тонких ножках.

На диване – небрежно брошенный белый плед, с длинным ворсом. Эффектно.

Видимо, идея была подсмотрена в болгарском интерьерном журнале «Наш дом».

Красочном. Стильном. Инопланетном.

Взята на вооружение.

У каждой тумбочки и шкафчика – свой ключик.

Витой. Желтого металла.

Как Золотой ключик, открывающий заветные двери в другую, красивую жизнь.

Райскую. Сытую.

Торшеры и бра. Люстры и абажуры.

Книжные шкафы ломились книгами. Разноцветные, золоченые корешки.

Подписные издания.

Ни разу не видели Лизоньку читающей. Или чтобы с книгой.

Но библиотека у нее была шикарная.

Грамотно составленная и подобранная.

Оставленные на столике журналы были.

Как бы случайно раскрыты на самой красивой картинке.
А вот книг – не было.
А может и правда читала этот журнальчик.
На досуге. Без свидетелей.
Просматривала. Вальяжно и ленивенько.
В шкафах пониже – стопки журналов.
Модных. Западных. С цветными иллюстрациями.
Про рукоделие.
С выкройками. Чертежами и схемами.
За рукоделием Лизоньку тоже никто и никогда не видел.
Но журналы лежали высокой стопкой. Копились.
Все такое нереальное. Такое несоветское.
Недоступное. Дефицитное.
Фантастика.

Лизонька. Часть 4.

Витька Пудовкин.

Вообще-то полное имя у Лизоньки было

Пудовкина Елизавета Игнатьевна.

Так значилось на табличке. На двери ее кабинета.

И в паспорте.

Фамилия была чужая. Смешная. Первого мужа.

Ее Лизонька не любила. Но прославляла.

Мужа уже не было. А фамилия была.

Замужем Лизонька была ровно год.

Давно.

И ей хватило.

В сибирской глубинке особо выбора женихов не было.

Послевоенные годы.

А Витька Пудовкин был чуть постарше.

Опытнее. Проявлял настойчивость.

Свистел под окнами.

Активно окучивал. Прижимал жарко.

Губами впивался. Целовал.

Витя всегда был парнем дерзким. Задиристым. Неуправляемым.

Пьющим. Хронически.

С дрянной генетикой. Невзрачной внешностью. Впалой

грудью.

Крикливый. Нахрапистый.

Подвывих.

С детства дегустировал самогон, как сомелье. Знаток.

Давал свое заключение.

Критические замечания. По качеству и крепости напитка.

Сначала родителям.

Потом всем прочим умельцам в округе. Так и втянулся.

Когда напивался, себя не помнил. Был агрессивным.

Лез в окна. Дрался. Со всеми. Без разбора.

Витькины родители не знали, куда его сбегать.

Ирода.

Советовали податься в город. За 1000 верст от них.

На заработки. Подальше. Выталкивали.

Соседи жаловались. Старики крестились.

Все прочие с дороги убирались. Подобрю – поздорову.

Переходили на другую сторону единственной в поселке
улицы.

Прятались. Избегали.

Витька брызгал гормонами. Слонялся от безделья по по-
селку.

Безобразил. Цеплялся.

Опасный он был. Непредсказуемый.

Этим Лизоньку и привлек. Очаровал.

Заневестилась. Бегала мимо. Стреляла глазами.

Пала под его напором. Натиском.

Шептал опять же. Обещал.

Слова разные. Красивые. Нежные.

Томилась девушка. Млела.

Вылазила через окно. К утру возвращалась.

Замуж мечталось. Не терпелось.

Уговорил.

Когда забеременела. Испугалась. Плакала, конечно.

Витька жениться не отказывался.

Хотелось ему быть семейным человеком.

Степенным.

Сразу поводов столько. Выпить.

Призналась родителям.

Собрали семейный совет.

Брат приехал. Старшая, замужняя сестра прибежала.

Собрались за столом.

Лизоньку отгородили от докладчиков занавеской.

За печкой. Без права голоса.

Все понимали, Витька – парень проблемный, пьющий, драчливый, в семью войдет, помощником по хозяйству не станет, а навалить по-пьяни может.

Всем. Запросто.

Или убьет. В угаре. По дури.

Как такому ухарю дочь отдавать?

Как с таким сладить?

Сидели. Печалились. Прикидывали.

Пытались уговорить дочь на аборт. Чтоб не затягивать.

И в райцентр – учиться. Подальше от Витьки.

В разгар прений и дебатов, Лизонька отдернула занавеску, вышла к столу и заявила решительно: «Говорите, что хотите! А замуж за Витьку я всё равно выйду! Люблю его!»

И кулаком по столу. Бац!

Что тут сказать.... Родители развели руками.

Смирились.

Вышла... Даже свадьба была.

Витька не просыхал. Избивал беременную жену.

Бил зло. Как мужика. Чужого. В кровавой, жестокой, уличной драке.

Сломал ребра, нос. Пробил голову.

Ударом кулака выбил зубы. Передние.

Бил в грудь. Пинал в живот.

Уже лежащую. Уплывшую.

Ребенка Лизонька потеряла.

У Витьки появился новый повод выпить. С горя. Сына потерял.

Там же в райцентре, после выздоровления, подала документы на развод и в торговый техникум.

Замужем побывала.

Теперь решила учиться.

Детей у Лизоньки больше не было.

Чужих она не хотела.

Зато нас, соседских детей, привечала.

Подкармливала. Дарила подарки.

На Новый год подарила нам с сестрой диапроектор.
С диафильмами. Целая коробка.

Диапроектор и коробочка до сих пор существуют.

Рука не поднимается выбросить детство.

А муж говорит, что винтаж. Ретро.

Надо оставить. Сохранить. Внукам показывать.

Мы её боготворили. Радовались Старались услужить.

Приносила фрукты. Конфеты.

Включала нам телевизор. Мультки.

Все детские фильмы того времени мы посмотрели впервые именно у нее.

Ставила пластинки на проигрыватель. Зарубежных исполнителей.

Модных. Кудрявых. Смуглых. В блестках.

Включала. Громко.

Вытаскивала из шкафа шляпы, парики, шали.

Наряжались и танцевали. Дурачились. Скакали. Смеялись.

Просто жила. Получала удовольствие.

Это как раз тот самый случай, когда живешь, ни в чем себе не отказываешь.

Возмещаешь. Компенсируешь.

Голодное детство. Тяжелый труд. Лишения. Унижения.

Есть возможность. И доступ. И право.

Фамилию Витькину носила.

В надежде поменять ближайшим замужеством. На дру-

гую.

Более благозвучную.

Но так и не случилось второго замужества.

Так Пудовкиной и прожила.

А Витька умер. Давно.

Замерз в сугробе.

Сибирь все-таки. Обычное дело. Для алкоголиков.

Эту историю, рассказанную моей матери, услышала на Лизонькиной кухне.

За коньячком.

Было жаль эту сильную женщину. Твердую и цепкую.

На крепких ногах.

Жадную и хитрую. Изворотистую.

Непривычно было видеть ее плачущей. С потекшей тушью.

Красным, опухшим носом.

Куда— то на мгновение исчезла самодовольная купчиха и хамоватая торгашка.

Осталась потухшая баба. Одинокая. В климаксе.

С фамилией Пудовкина.

Лизонька. Часть 5. Блажная.

Нашу мать Лизонька считала неудачницей.

Непрактичной недотепой. Дурочкой. Блаженной.

Так и называла. Блажная.

Славный род, профессура, научные работы и прочие заслуги и достижения, к учету не принимались.

Замуж вышла по любви. За студента.

Инженер. Электромеханик.

Ни кола, ни двора.

Так себе выбор. Спорный. Ни денег. Ни славы.

Ни песен, ни басен.

С работы украсть, взять-принести, кроме мотка проволоки, нечего.

Профессию себе тоже выбрала не хлебную. Странную. Философ.

Что это профессия такая? О чем она?

Что ты домой принесешь?

Лизонька недоумевала. Непонятно ей было. Дико.

Мизерная зарплата. Трое детей.

Картошка и макароны. Капуста.

Блажная, одним словом.

Разница между матерью и Лизонькой была около 20 лет.

В дочери, получается, годилась, а мы, соответственно, — во внучки.

Мать, и всю нашу семью в целом, она опекала. Заботилась. Может потому, что знала и дружила с родителями матери. Рано ушедшими. Трагически.

Просто по-соседски помогала. Сиротке.

От широты сибирской души.

Может от скуки. А с нами скучно не было.

Это была дружба, за которой, если копнуть поглубже, скрывалась любовь.

Нежная привязанность. Забота.

Сублимировала Лизонька свою материнскую сущность.

Возмещала. На нас.

Про уроки спрашивала. Про успехи. Дневники листала.

Строго.

Могла зайти к нам по-хозяйски. Заглянуть в наш холодильник. Хмыкнуть.

Вечером принести пакет со продуктами. Или два.

Могла взять двумя пальцами сапоги в прихожей.

Разбитые и деформированные. Временем и осадками.

Пристально рассмотреть.

Вприщур. И даже понюхать.

Небрежно бросить.

Вечером принести сапожки. В коробке.

Красивые. Модные. На каблучке.

Молния. Брошка на голенище. Отпад.

Деньги потом. Когда будут.

А когда они были при 3 детях? И муже -электромеханике.

Ни украсть, ни покарать.

Мать смущалась. Пунцовела. Суежилась. От неожиданности.

Молодая женщина. Неловко ей было.

И сапожки нравились. Мечта.

Хотелось что-то дать взамен. Интеллигенция.

А кроме «спасибо» взамен дать было нечего.

Да и чем можно было удивить директора универмага.

Мать обнимала Лизоньку. Душевно. Тепло.

Прижималась, как тонкая березка к кряжистому дубу.

Благодарила.

Отец молчал. Он не хотел попадать в зависимость. За батон колбасы. Или за сапожки.

Не нравилось ему быть должным.

Не любил он этого.

Но в отношении двух женщин не вмешивался.

Очевидно, что Лизонька в жизни матери появилась задолго до него.

Имела право. Наверное.

Даже мы, дети, наблюдая мгновения этого близкого контакта, понимали, что для Лизоньки это очень важно.

Больше, чем для всех.

Денег до зарплаты занимала. С возвратом не торопила.

Иногда даже думаю, что она вела себя, как типичная теща.

Классическая.

О-о-очень пристально и критично к нашему отцу относи-

лась.

Из поля зрения своего зоркого ока не выпускала.
Но молчала. Раздор в молодую семью не вносила.
И все ее дары и забота, подарки и займы,
имели свой тонкий подтекст:

"Что же ты, молодец, девчонку такую хорошую в жены
взял, детей наплодил, а обеспечить не можешь? Сытно не
кормишь? Жену не балуешь? Сапожки не покупаешь?"

Как получилось, что в одном человеке так органично со-
единились жадность и щедрость?

Жадность до денег.

Златолюбие. Алчность. Стяжательство. Накопительство.

Грести под себя, как снегоуборочная машина.

Все. Подряд. Без разбору.

Беззастенчиво и нагло.

Устроить из квартиры перевалочную базу. Склад.

И щедрость.

Дать. Позаботиться. Помочь. Согреть. Накормить. Поде-
литься.

Кстати, Лизонька была крайне удивлена, когда отца при-
гласили в зарубежную компанию.

С должностью и зарплатой. В долларах.

Была обескуражена. Не ожидала. Она— то свое клеймо
неудачника ему уже поставила. Давно.

А тут такой разрыв шаблона.

Лизонька. Часть 6. Становление.

В городе Лизонька прижилась.

Учебу закончила.

Работать пошла. В Отдел рабочего снабжения.

Золотая жила.

Оправилась. Зубы, выбитые Витькой, вставила.

Похорошела. Расцвела.

По– крестьянски сметливая.

Трудяга. Работы не боялась. За все бралась.

Всегда заработать старалась. Замещала часто.

Всех. Опыта набиралась.

На всех участках.

Незаменимой старалась быть.

Приглянулась. Примелькалась.

Послевоенные годы. Трудные. Голодные.

С кадрами напряг. Мужиков нет. А тут такая работающая.

Исполнительная. Услужливая. На подъем скорая.

Мешки ворочает. Ящики двигает. Фляги таскает. Пол мо-

ет.

Не ноет. Не гнусит. Не болеет. Комсомолка.

Начальство таких любит.

Заприметили ее. Стали двигать.

Первую квартиру получила.

Подучилась. Пообтерлась.

Тонкости профессии изучила.
Схемы обменов и подгонов поняла.
Ты – мне. Я – тебе.
Смекнула.
В хорошее время живет.
В торговле не пропадешь.
Голодной спать не ляжешь.
Голой ходить не будешь.
Возможности безграничные.
Все в дефиците. Перспективы.
Надо дальше двигаться.
План наметила.
Общительная. Обаятельная.
Связи нужные завела.
Взаимовыгодные.
Простая. Доверяли ей.
Мудростей не изрекала.
Звезд с неба не хватала.
А вот хватку имела железную.
Витька научил за жизнь биться. Уклоняться от удара.
Вертеться.
Вбил ей эти знания.
Сапогом.
Понимание правил жизни имела. На тонком уровне.
Любили ее. Так и называли – Лизонька.

Лизонька. Часть 7. Табуреточка.

В квартире у нее часто компании собирались.

Большие. Шумные.

Наверное, поводы были. Даты.

Юбилеи. Профессиональные праздники.

День работников торговли. Ежегодно.

Летом.

Пирушка. Так Лизонька называла это сборище.

Стол ломился. Жрачки полно. Невиданной.

Напитков много. Разных. Ящиками.

У нас на балконе стояли. До времени.

В нашем холодильнике охлаждалось. Томилось.

Лизонькин не справлялся.

Все масштабно. Как свадьба.

Свадьбы даже поскромнее бывают. Попроще.

Лизонька сама не готовила. Не утруждалась.

Все заказывала в ресторане «Сказка». Знаменитом своей

кухней.

И ценами.

Привозилилось все лотках и судочках. Под белоснежными салфетками.

Пьянящие запахи. Пирамиды из еды.

Подарки. Вереницы гостей. Машины. С магнитолами. С музыкой.

Цветы. Корзинами и ведрами.

В целлофане.

Мужики гладкие. Пузатые. Лысые. Громкие.

Состоявшиеся. Значительные.

С загривками и брылями.

Таких сразу видно.

В детстве я думала – старые.

А теперь понимаю – лет по 40-50 им было.

В самом расцвете.

Бабы – грудастые. Гладкие. Холеные.

Мясистые.

Ручки пухлые. Кольца с розовыми камнями.

Тени на глазах голубые.

Модные. Нарядные. Все в кримплене.

Подмышки потные.

Хохотали.

Коллеги, видимо.

Курили на площадке. Громкие разговоры.

Здравницы. Пожелания. Здоровья и всего-всего хорошего.

Чтобы все было. И ничего за это не было.

С подтекстом. Со смыслом. Многозначительно.

С подмигиванием. Как заговорщики.

Веселил всех этот тост.

После пятой рюмки включали Лизонькин магнитофон.

Бобинный.

Музыкальная часть пирушки начиналась всегда с арген-

тинского танго. Традиционно.

Страстного и захватывающего.

Была у Лизоньки такая кассета. Заветная. Всегда была заправлена.

Так, чтобы пальчиком кнопочку нажать. И сразу страсть в воздухе.

Девушка из сибирской советской провинции любила южно-американские ритмы.

Подогретая публика начинала водить плечами. Вихлять бедрами. Вскидывать пухлые руки.

Стрелять страстно глазами. Томно закатывать.

Темпераментные танцы плавно переходили в народные пляски.

Отчаянные и бесноватые.

Потом в песни. Застольные.

Тягучие и печальные.

Горестные и одинокие.

Тут и кавалеры пригождались. С романсами.

Гвоздь программы.

Расходились поздно ночью.

Под "Листья желтые над городом кружатся".

Прослушав весь репертуар, наш дом засыпал.

Советское купечество гуляло.

Соседям не скучно было.

Иногда нас, детей, звали.

Развлекать публику.

Мы с сестрой стихи читали. С табуреточки шаткой.

Патриотичные. Пафосные.

Про Родину.

Потом про маму.

С праздником 8 Марта хорошо принимались.

Хоть и не сезон.

Военная тематика. Вообще на ура.

До сих пор тексты всех песен помню. Самой нравятся.

Слушатели слезу смахивали. Украдкой.

Уходили курить.

Им это близко было. Война каждого зацепила.

В разной степени.

Потом всё подряд уже шло.

Я – из школьной программы. Начальной.

Басни. В лицах.

Сестра воспроизводила репертуар утренников детского сада.

Лепетала. С выражением.

Трогательно.

Ручками водила. Ножку выставляла. Толстенюкую

Народ умилялся. Ржал.

Поднимал тосты.

За Родину. И маму.

Дети. Не умели мы еще подбирать репертуар, согласно повода и момента.

Хотя...

Я и сейчас стихов про торговлю и торговых работников не знаю...

Потом песни пели. Даже танцевали.

Полноценный концерт давали.

В два отделения. С антрактом.

Всегда уходили со сцены с дарами. Щедрыми.

Карманов и горстей не хватало. Сыпали в подолы.

Кланялись.

Лизонька нами гордилась.

Как внучками. Славные.

Хорошенькие. Нарядные.

Актрисули малолетние.

Подвижные и живые, как ртуть.

Умненькие. Обаятельные.

С профессорской генетикой.

Откуда что взялось. Ведь нас никто не учил. Не подучивал. Выступать.

Никогда мы больше не имели такого успеха у публики.

Таких восторгов и оваций!

За всю жизнь.

На одной такой пирушке я упала с табуретки.

Перевозбудилась. Вошла в раж.

Творческий.

Потеряла баланс. Равновесие.

И слетела. В оркестровую яму. Такое бывает.

В моем случае упала под стол. Башкой белокурой об угол.

Об мебели. ГДР. 39 предметов.

Расшибла лоб. Ближе к виску. Кровь.

По щеке. Через глаз.

Напугалась. Ревела, как резаная.

Актриса. Погорелого театра.

Не столько от боли. Сколько от неожиданности.

Страха. И позора.

Стишок опять же не дочитала до конца.

Табуреточку Лизоньке вот еще сломала.

А-а-а-а!

Лизонька побелела.

Народ вскочил. Бегали. Суетились. Успокаивали.

Ранку на лбу обработали. Голову забинтовали.

Вернули родителям.

С обмотанной головой, как раненого бойца.

Боец сопротивлялся. Желал стихи. До конца. До оваций.

Еле увели. Вытолкали, можно сказать.

Мать, открыв дверь, сползла по стене.

Отпоили коньяком. Успокоили.

Пирушка продолжилась.

Как потом выяснилось, подломилась ножка табуреточки.

Маленькой. Той самой, для уставших ног.

Изящной. Придуманной мастерами-краснодеревщиками.

Там. В ГДР.

Расщепилось дерево. Не выдержало силы моего таланта.

Экспрессии.

Остался еле видный белый шрамик на границе роста волос.

У виска. Над бровью.

На всю жизнь. На память. Как знак. Ко дню работника торговли.

Табуреточку Лизонька закинула на антресоли. От греха подальше.

Даже ремонтировать не стала. Просто убрала с глаз долой.

Чувствовала она свою вину.

Каждый раз, когда мы встречались.

А встречались мы часто.

Лизонька подходила, поднимала волосы.

Рассматривала мое лицо.

Пристально. Даже спустя много лет.

А злосчастную табуреточку, колченогую, я еще увижу.

Через 35 лет. В пустой Лизонькиной квартире.

На похоронах.

Лизонька. Часть 8. Кавалеры.

Мужчин. Поклонников Лизонька называла кавалерами.

А кавалеры у нее всегда были ого-го!

Альфа-самцы.

Лихие ребята.

Статные. Глазастые. Игривые.

Обаятельные. Молодые.

Моложе Лизоньки. Значительно.

После Витьки Пудовкина, задохлика и придурка, Лизонька стала разборчива.

Учла негативный опыт.

Выбирала высоких. Красивых. Молодых.

Музыкальные ребята были. Яркие.

С инструментами. Струнными.

Лизонька таких обожала. Особенно.

И гитарист у нее был в колоде. И баянист. Следующий.

Хорошая была слышимость в наших домах.

Слышали мы песни. Заслушивались. Вокалом.

Старались кавалеры. Очаровывали. Вибрировали.

Соблазняли. Пели с выражением. Со страстью.

Душевно исполняли.

Лизонька плавно переходила из романа в роман.

От одного кавалера, к другому.

Мы были детьми, эта часть жизни взрослых людей нам была неведома.

Но то, что кавалеры у Лизоньки были – факт. Однозначно.

Всем бы таких! Никто бы не отказался.

Чем она их заинтересовывала и удерживала? Загадка.

Перевалив за пятый десяток, а потом и за шестой?

Как это происходило, где? Не берусь сказать.

Свидетелем не была.

Что было решающим фактором для знакомства и общения?

Ее должность? Благосостояние?

Материальное положение? Безграничные возможности?

Связи? Знакомства?

Директорская машина?

Или же личное обаяние? Харизма? Черты характера?

Доброта и человечность? Простота?

Покупала она их, или подкупала?

Восхищала или соблазняла?

Все было пристойно.

Не подумайте чего.

Рестораны и цветы.

В ресторане «Сказка» Лизонька была постоянным посетителем.

Нравилось ей заведение.

Мужчины менялись, а ресторан «Сказка» и Лизонька оставались.

Мы там были однажды.

Лизонька на свой юбилей приглашала. Как избранных. Соседей.

Все достойно.

Витражи. Живая музыка. Атмосфера. Прохлада.

Скатерти накрахмаленные. Салфетки.

Бокалы. Сияющие.

Лизонькины вкусы все знали.

Любимые блюда приносили без меню.

Быстро.

В глаза заглядывали.

В поясище прогибались.

Приборы меняли часто. Как положено.

Это для нас она была соседкой.

Доброй. Домашней. В халате и тапочках.

А для всех прочих – директор магазина. Елизавета Игна-

тьевна.

Крупного. Областного. Знаменитого.

Нужный человек. Полезный.

Ключевой в списке контактов.

Кавалеры были на машинах. Всегда.

Видимо, отбор какой-то. Селекция.

Доступ к телу, только при наличии машины.

Газ-24. «Волги».

Черные. Белые. Блестящие. Как дельфины.

И даже зеленая была. Как крокодил.

Длинная и зеленая.

Тормозили у подъезда.

Выгружали Лизоньку. И цветы. Охапками.

Смеялись. Прощались. Ручки целовали.

Ночевала Лизонька всегда одна.

Наверное, правило у нее такое было.

Мы с сестрой смотрели с балкона.

Наблюдали. Сверху. Ждали. Как стервятники.

Знали, что сейчас Лизонька постучит в дверь нашей квар-
тиры.

Спросит сигаретку. Покурить. Перед сном.

Много позже я поняла, что стрельнуть сигаретку у инженера и философа, было лишь поводом зайти к нам.

Ритуалом. Ежевечерним.

Узнать, как дела.

Принести нам вкусностей.

Пожелать спокойной ночи.

P.S. А сигареты у Лизоньки были свои. Всегда. Блоками.

Это я точно знаю.

Лизонька. Часть 9. Страсть.

Была у Лизоньки страсть.

Большая любовь.

Любовь. С большой буквы.

К фотографии.

Не в смысле фотоаппарат и фотографирование.

Поиск натуры. Свет. Ракурс. Настроение.

Портреты и пейзажи.

Нет!

У нее даже фотоаппарата не было.

Только как объект для фотографа.

Фотографий у Лизоньки было много. Очень.

Студийные и любительские.

Явно постановочные и экспромтные.

На отдыхе и в трудах.

С группой лиц и портретные.

Лизонька коллекционировала воспоминания.

Моменты своей жизни.

И свои изображения. Как кинозвезда.

Хранились фото в больших конвертах. По тематикам и событиям.

В альбомах. Хронологически.

Часть была оформлена. И даже фигурно обрублен край фотографии.

Ровненко. Заботливо. Причудливо.

Вклеена под уголок. Намертво.

Часть просто ждала часа, когда ими займутся.

Рассортируют.

Переберут. Систематизируют. Подпишут.

Фотографиям был выделен целый шкаф.

Книжный. Большой. Двухстворчатый.

На фотографиях царила Лизонька.

В красивых платьях. В новых шубках.

Разных. Цигейка. Мутон. Нутрия. Козлик. Дымчатый.

Лизонька и сумочка.

Лизонька и туфельки. Ножки бутылочками.

Лизонька в брючном костюме. Кримпленовом. Около

«Волги»

Лизонька на отдыхе. На югах. В Ялте.

В Югославии. В санатории. На море.

Лизонька в Болгарии. Лизонька с розами.

Лизонька на работе. Инспектирует отделы.

Лизонька с букетом.

Лизонька-блондинка. В парике.

Лизонька под пальмой. С обезьянкой.

Лизонька с кавалером. Брюнетом. Усатым.

Лизонька с сослуживцами. На отдыхе.

Лизонька в кабинете. В директорском кресле.

Лизонька с кавалером. Другим. Следующим. Гитара.

Лизонька за праздничным столом.

Таких было особенно много.

Были фото с надписями. Пожеланиями.

Наивными стишками.

Были там и фотографии нашей семьи.

Тесно наши судьбы переплелись.

Не родственники, но точно больше, чем просто соседи.

Мама наша. Выпускница.

Фартук белый. Коса. Лизонька рядом. Обнимает.

Провожает в большую жизнь.

Свадьба моих родителей.

Лизонька по центру. Как родной человек. Близкий.

Улыбается. С цветами.

На дворе декабрь. У всех в руках чахлые гвоздички.

А у нее огромный букет. Розы.

Нашла ведь где-то в такую пору. Достала.

Удивила. Украсила праздник.

Мы с Лизонькой на первомайской демонстрации.

С флажками и шариками.

Лизонька в мохеровом берете.

Королевский мохер. На заказ ей вязали.

На ветру, как одуванчик. Модно.

Фотографии из роддома. И меня Лизонька встречала.

И сестру мою. Младшую.

Всегда рядом была.

Фотографии на мосту. Ледоход. Яркое солнце. Мартов-

ское.

Мне поручили следить за младшей сестрой.

Держать ее крепко. За руку. Не отпускать.

Мост. Река. Опасно.

На фотографии только я одна стою с серьезным видом.

У меня задание. Поручение. Держу.

Жмуримся от яркого солнца.

Лизонька в очках модных. Солнцезащитных. Смеется!

Весна!

Некоторых фотографий в нашем семейном архиве не было.

А у Лизоньки были. Сохранились.

С каждой фотографии Лизонька задорно улыбалась золотыми зубами.

Светилась. Мечтательно. Игриво. Кокетливо.

И ручки по-разному складывала. И ножки выставляла в кадр.

Позировала.

Хотелось ей поймать мгновение. Сохранить себя молодую и цветущую.

Может показать кому хотела. Спустя годы.

Подтвердить реальность.

Возможно вечерами, на досуге, под настроение,

Лизонька перебирала свои изображения.

Любовалась. Вспоминала.

Как причудливо вывернулась жизнь девочки из рыбацкой деревни.

Как приподняла.

Мы с сестрой часто устраивались на ее немецком диване.

На длинношерстной кудрявой шкуре непонятного зверя.

Раскрывали альбомы. Листали тяжелые страницы.

Рассматривали. Чужую жизнь. Как сказку.

Мало было развлечений у детей.

Модницей была Лизонька.

И по ее фотографиям, с указанием даты, можно было отследить, как менялась мода.

Как росло благосостояние народа.

Как формировалась и матерела сама Лизонька.

Как из девочки с острыми коленками превращалась в женщину с тяжелой поступью.

Неспешную и внушительную.

Как менялось окружение. И интерьеры.

Увидеть детали.

Совсем мало было фотографий Лизонькиного детства.

Пожелтевшие. С неровными краями. Мутные. Детали смазаны.

Надо вглядываться.

Родители. Сестра. Брат. Поселковая школа на 3 ученика.

Учились и работали.

Подростки. Родителям помогали. Зимой рыбу ловили. Морозили.

Отправляли в райцентр. Страну кормили.

Фотографировались. На долгую память.

Лизонька всегда замирала над этими фотографиями.
Отворачивалась к окну.

Говорила, что тяжело было. Холодно. Трусов лишних не было.

Голос у нее дрожал.

Но и так понятно – бедное было детство. Военное. Голодное.

А на фотографиях все смеются.

Рыба на снегу. Горы мерзлой рыбы.

А она про голод.

И юность ничуть не сытнее ей выдалась.

Много работала. Мало отдыхала.

Фуфайки. Телогрейки. Ватники. Платки. Валенки.

Пальтишки из шинелей. Тулупчики.

Руки красные. Лица обветренные.

Сапоги кирзовые. Унисекс. И на девочках и на парнях.

Гармошка. Все улыбаются.

Много было фотографий у Лизоньки.

Большая. Длинная жизнь.

Мы ее только как соседку можем вспоминать. Добрую и отзывчивую.

А были пласты жизни, о которых мы даже и не подозревали.

Но они кем-то фиксировались. Сохранялись.

Я увидела потом эти фотографии.

Небрежно сваленные в углу большой комнаты.

Пустой. Гулкой.

Лежали рассыпающейся, неустойчивой горой.

Зыбучей. Оплывшей.

Видимо, выкинули, когда книжный шкаф освобождали.

Перед выносом.

Чтобы транспортировать легче было.

Да и кому они нужны? Или интересны?

Эти чужие фотографии. Свидетели. Протоколы.

Раскадровка прошедшей жизни.

Лизонька. Часть 10. Зеленое яблоко.

Все модные новинки появлялись у Лизоньки самой первой.

Положение обязывало.

Забавляло это ее. Развлекало.

Не могла себе отказать.

С нами делилась. Снисходительно.

Как то мы с мамой прогуливались. Воскресный день.

Зашли в универмаг. Лизонькин.

Очередь. Длинная.

Заинтересовались.

Встали.

На всякий случай.

Стали выяснять, чего дают.

Дезодоранты. Болгарские.

Что это такое?

От пота. На подмышки брызгать. Для свежести.

С ароматом. Зеленого яблока.

Аэрозоль.

Флакон нежного зеленого цвета.

Перламутровый.

Говорят, запах хороший.

Свежий. Легкий. Реально яблоко. Зеленое.

Решили остаться. Купить себе диковинку.

Опробовать.

Что характерно, про цену тогда никто не спрашивал.

Дефицит! Надо брать! Однозначно!

Стоим.

Двигаемся медленно.

Перед нами покупателей много. Прилично так.

За нами тоже подтянулись. В «три витюльки».

Всем надо. Хватают по несколько штук.

Раз дефицит!

Подбегает женщина.

Заполошенного вида. Всклокоченная. Суетная.

Вопрос тот же.

Как и у всех: «Чего дают?»

Очередь, практически хором ей отвечает «Дезодорант!»

«А чего это такое?». Резонный вопрос.

«От пота. Для свежести. Болгарский. Запах зеленого яблока».

Бабенка залипла.

На лице замешательство. Размышление.

Сканирование. Напряженная работа мозга.

Осмысление информации.

На предмет: «Мне такое надо? Или не надо?»

Выдает свое решение. Вслух. Громко. Категорично.

«А! Не-е-е! Мне такое точно не надо! Я не воняю!»

И удалилась. Гордо.

Другой дефицит искать.

Оставшиеся почувствовали неловкость от такого заявления. Легкую.

Получается, целая очередь собралась. В одном месте.

Нас. Самых вонючих людей в этом городе.

Очередь мы отстояли.

Практически до прилавка дошли.

Но заветный флакончик нам не достался.

Закончился дефицит.

Прямо перед нашими носами.

Как всегда. Не с нашим счастьем.

В очередях стоять.

Поплелись домой. Без покупки.

Обсуждая малахольную бабу.

А вечером зашла к нам Лизонька.

С баллончиком. В подарок.

Тем самым.

С запахом зеленого яблока.

Райским.

Хотелось ей нас приятно удивить.

Новинками.

Выяснилось, что это вообще освежитель воздуха.

Для туалетных комнат.

Сейчас об этом даже вспоминать смешно.

Полки современных магазинов ломаются от дезодорантов

и антиперспирантов.

На любой вкус и цвет, запах. Любой ценовой категории.

И освежителей полно. Разных.

А в те времена мы провели половину воскресного дня в очереди.

За туалетным освежителем воздуха.

И это не казалось нам возмутительным.

Такая эпоха.

Лизонька. Часть 11. Вот и все.

Все обрушилось внезапно.

Накрыло в одночасье.

Стихийно. Как оползем. Грязевым потоком.

Мгновенно.

Неотвратимо. Неудержимо.

Остановить, избежать, уйти с дороги невозможно.

Вот ты стоишь. А вот ты уже и лежишь.

Придавленный. Толстым слоем.

Вязким. Тяжелым.

Не встать.

Или хотя бы приподняться. На колени.

Хребет перебит.

Беспомощно открываешь рот.

Все, что можешь.

Начались посадки. Следствие. Уголовные дела. Обыски.

Вызовы к следователю. Допросы и очные ставки.

Опросы свидетелей.

Не помогли тосты.

С Лизонькой не церемонились. Презрения не скрывали.

К торгашам.

Допросы были жесткие. Хамские. Унизительные.

Своего рода расплата.

После них Лизонька приходила бледная. Падала на кро-

вать.

Рыдала по-бабьи.

С деревенскими подвываниями. Причитала.

Потом молчала. Долго. Думала.

Мы ходили на цыпочках. Не шалили.

Когда заболела, неотложку не вызывали.

Лизонька запретила.

Чтобы не привлекать внимание соседей дома.

Думала, все еще обойдется. И станет по-прежнему.

Мать мерила ей давление.

Платила врачам. Делала уколы. Таблетки по схеме.

Бегала в аптеку. Звонила своим. Философам. Просила.

Добывала нужные лекарства.

Успокаивала. За руку держала. Гладила.

Блажная. Но не предатель.

Предупредили о грядущем обыске.

Свои люди. Прикормленные за много лет.

Вроде как отблагодарили. За все.

За одну ночь мы перетащили вещи из Лизонькиной квартиры – в нашу.

Спрятали на балконе. На антресолях. Под кроватями.

В наших детских, самодельных шкафах.

Отец сколотил из обрезков бруса. Незатейливо. Как умел.

Растолкали по углам. Прикрыли.

Лизонька лежала у себя в спальне. Под снотворным.

Отец переносил крупные вещи в гараж. Ночью.

Спускал в погреб. Рулоны и мешки. Один.

Мать снимала со стен ковры, сворачивала, перевязывала.

Глотала слезы. Все молча.

Мы помогали.

Лизонька попросила. Убрать. Спрятать.

Спасти и сохранить дорогие сердцу предметы. Взрослые игрушки.

Больше Лизоньке не к кому было обратиться. Только к нам.

Уберечь добро от конфискации хотелось.

Дорожила она всем этим. Любила.

Для нее это целая жизнь.

Собрали хрусталь и фарфор. В узлы свернули белье и одежду.

Шубы и дубленки.

Бросали на пол простынь. В нее укладывали с полок и шкафов Лизонькино добрище.

Вместе с вешалками.

Связывали углы двойным узлом.

Кидали и вязали. Кидали и вязали. Всю ночь.

Оставили минимум.

Отец рывком закидывал мешки себе на спину.

Взваливал. Тащил. Выносил.

Рвал спину этими огромными баулами.

Не отказался.

Помогал больше жене, чем самой Лизоньке.

Понимал, что они близки. Дружат.

Мать ее не оставит. Не отстранится. Как бы не вывернулось.

Она поможет. И он должен.

Хоть и чувствовал всегда Лизонькину нелюбовь. Тихую.

И понимал, что это все не на зарплату. Пусть и директорскую.

Порицал ее образ жизни. Презирал за алчность.

Но тащил.

Все, что Лизонька стаскивала годами, вынесли за одну ночь.

Сейчас бы я оценила это в несколько грузовиков.

Книги только не стали убирать.

Оставили в шкафах, как есть. Сил уже не было.

Следствие шло долго. Мучительно для всех.

Руководство страны успело смениться.

Два раза.

Было очевидно, что просто так это не закончится.

Слишком все было нагло.

Манифестно.

На глазах.

Кавалеры исчезли и больше не появлялись. Не звонили.

Бравые гусары, пылкие возлюбленные, мгновенно утратили интерес к даме сердца.

А ведь вот только ручки целовали.

Друзья затихли. Ждали развязки.

В глаза никто не лез. Сквозило опасностью.

Изоляция была, как при чуме.

Тишина.

Соседи шушукались. Косо смотрели. Исподлобья.

Как будто она у них чего украла.

Обворовала. Объела.

Мы тоже ходили не поднимая глаз. Как соучастники. Подельники-сообщники.

После долгого больничного, Лизонька пришла на работу.

Увольняться.

Шла по своему универмагу, как Христос.

«По воде, аки посуху». Воды расступались.

Народ избегал встреч, сторонился. Отворачивались.

Глаза отводили.

Бывшие подчиненные в контакты не лезли.

Вакуум.

Лизонька изменилась. Резко постарела. Похудела.

Посерела. Румянец сполз. Глаза потухли.

Лицо стало острым, костистым. Рубленным. Щеки опали.

Лоб пересекла глубокая, характерная морщина. Морщина гордеца.

Неизвестность тревожила. Ожидание наказания было непереносимо.

Убивало. Разрушало.

Лизоньку спасло, что она была уже пенсионного возраста.

И что инсульт. Инвалидность.

А может, помог кто.

Посодействовал. Из покровителей.

Или откупилась.

Но все как-то обошлось.

Без посадки.

Империя рушилась. Страна катилась под уклон. В таргарах.

Не до Лизоньки.

С ее коврами. И хрусталями.

Началась другая века.

Новая жизнь.

В сравнении с современными реалиями, Лизонькины грехи кажутся мелкими, как блохи.

Масштабы, желания и траты – смешными.

Даже нелепыми.

Кстати, эти события, заставили осмыслить многие моменты.

Задуматься.

Наши детские умы получили прививку от алчности, жадности, стяжательства.

Корысти. Воровства.

В сторону чужого мы не смотрели. Никогда.

У меня есть золотое кольцо.

Обручальное.

Тонкое. Вполне достаточно.

Мне не нужны чужие кольца.

Лизонька. Часть 12. Все конечно.

И вот Лизоньки нет.

И ничего нет. Из того, что ей нравилось. Было ей важно.

Любимо и дорого.

Дарило радость. Приносило удовольствие.

Болела.

Но никому ничего не говорила. Не жаловалась.

Сгорала. Корчилась от боли. Выла.

Но помощи не просила.

Когда боль тупела и немного отступала, звонила нам.

Своим бывшим соседям. По старому дому.

Спрашивала, как дела. Как дети?

Бодрым голосом.

Даже смеялась. Шутила.

На вопросы про здоровье и самочувствие, отвечала весело и даже как-то беззаботно "Согласно паспорту!"

Нравилась ей эта шутка.

Вроде как кокетничала. Возраст скрывала.

Всегда презирала немощь. Отворачивалась от старости.

Болезнь выжигала ее изнутри.

За дозу лекарства, облегчающего боль, пусть ненадолго, щедро расплачивалась своими богатствами.

Доставала из сундуков. Встряхивала.

Любила. Скапливала. Берегла и спасала. Тащила по жиз-

ни.

Цеплялась. До конца.

И на последнем шаге передавала в чужие руки. Алчные.
Сама. Без сожаления. Смиренно.

За услуги сиделки и медсестры раздавала ковры и хрусталь.

Сервизы и кольца. Отдала библиотеку. Огромную. Ценную.

Добровольно. За ампулу.

Выкупала у смерти еще часок жизни без дикой боли.

Кто теперь новые владельцы, счастливые обладатели Лизонькиных сокровищ?

Много ли стоили те вещи?

Чего они вообще стоили?

Устаревшие. Утратившие актуальность. Давно уже не модные.

Отжившие. Послужившие свое.

Покупала себе мгновения жизни.

Меняла на хрусталь.

Что ценнее. Несоизмеримо.

Разве старая ювелирка, снятая с исхудавших пальцев, эквивалентна еще одной минутке жизни?

Стоило ли оно того? На каких весах это можно взвесить?

Как сопоставить? Был ли выбор?

О чем думала одинокая старуха, лежа на чужой панцирной кровати?

Одна. В пустой квартире. Гулкой.

О чем жалела? Что вспоминала в последние часы? Чего хотела?

Вспоминала свои грехи? Перебирала в памяти взлеты и падения?

Всплывал ли в памяти Витька Пудовкин? Кулаками выбивший из нее наивность.

Пинками загнавший ее в большую жизнь?

Может, купленные за золотой лом часы жизни, были ей нужны, чтобы позвонить именно нам. Названным внукам.

Услышать, что ей рады?

Весело и непринужденно поболтать? Пока боль отвернулась. Ненадолго.

Все остальное – не важно? Совсем.

Получается, что ближе нас, у нее никого и нет.

Поняла ли она, что ни чеканку со стены, ни собственный портрет, невозможно пронести. Туда.

Ни золото. Ни серебро.

Не продешевила ли работница торговли. Советского периода?

Матерая торгашка. Глыба.

Чудом избежавшая тюрьмы. Конфискации и позора.

Квартира оказалась огромной.

Мы с детства привыкли ее видеть заставленной мебелью.

Плотно. Впритык.

Забитой вещами. Коробками.

Сувенирами и безделушками.

Журналами с выкройками.

Вазочками. Подушечками. Шкатулочками.

Ковры и картины, чеканки и портреты на стенах, сужали пространство.

Воровали воздух. Хотелось выйти. Продышаться.

А сейчас в квартире ничего нет.

Совсем.

Пусто.

Нет вальяжной, властной хозяйки.

Нет дорогих, ценных вещей.

Обнулилось все.

Как тогда, в ночь перед обыском.

Вынесли все. Только паркет не оторвали.

И унитаз на месте. Не решились стронуть. Затопить соседей снизу.

Побоялись обнаружиться.

Нет мебели. Нет штор. Нет люстр и абажуров.

Пустая кухня. На полу лежит смеситель. Выдрали из мойки.

По-варварски. Не стесняясь. Торопились.

Демонтировали кухонный гарнитур. Спешили с выносом.

В сердцах оторвали. Заржавел. Но не поддавался.

Как Лизонька.

Старая кровать. Металлическая. С панцирной сеткой.

Еще довоенная.

Точно не Лизонькина.

Видимо с помойки притащили. Добрые-добрые люди.

Взамен той, что из ее знаменитых мебелЕй. ГДР. 39 пред-метов.

Чтобы не на полу лежала.

Выдернули из-под умирающей. Не побрезговали. Не сму-тились.

Подменили. Вроде не грех.

Типа, как так и было. Всегда.

Человечность проявили.

Не за что судить.

Не на полу же бросили.

Матрас. Старый. Вонючий. Мерзкий. Чужой.

В пятнах и разводах. Ключья серой ваты.

Смятое белье. Грязное. Нестиранное.

Сломанная табуреточка. Причудливые ножки.

Та самая, с которой я в детстве упала.

И лоб расшибла. Клеймо на память.

Прислонена к батарее. Даже сразу и не видно, что калека.

Не позарились. Не захотели чинить.хлопотно.

Стоит среди хлама. Для кучности.

На табуреточке с обратной стороны, приклеена бумажка.

Пожелтела от времени. Края отклеились.

Но держится.

Немцы клеили.

Сохранилась, потому что на антресолях пролежала более

30 лет.

Надпись даже видна.

1983 год. Дата изготовления. ГДР.

Лизоньке было 53 года.

Еще есть власть. Силы. Кураж.

Любовь. Поклонники. Друзья.

Путешествия. Вкусная еда.

Доступны многие удовольствия.

Надежды. Планы. Еще весь мир у твоих ног.

Где все это?

Думала ли она, покупая дефицитную мебель в 1983 году, что именно эти мебели прослужат ей до конца.

Проведут с ней остаток жизни. Будут свидетелями. Безмолвными.

Могла ли предугадать, любуясь завитками, восхищаясь миниатюрными ключиками, что с нею она и встретит старость. И смерть.

Ворох бумаг, документов на полу. Смятых.

Искали. Рылись.

Противно.

Гора фотографий. Огромная. Валом.

Из шкафа. Двухстворчатого.

Наши, в том числе. Родители. Детство.

Лизонька все это сохраняла. Фиксировала. Удерживала мгновения.

Ненужных. Никому.

Кто теперь смотреть будет.

Как мартовский сугроб.

Оплывший.

На них Лизонька улыбается.

Глаз горит. Зубы сверкают ярким золотом.

Еще не верится, что все конечно...

P.S. Соседки, из новеньких, поведали, что в минуты просветления, Лизонька часто рассказывала про своих внучек.

С любовью. Тепло. Со слезами.

Про двух славных девчуль. Хорошеньких и умненьких.

Ждала. Вот-вот должны приехать. Обещали же.

И вот я приехала. Старшая из названных внучек.

Как и обещала. Каждый раз. Но все недосуг.

Собрала фотографии. Дома разберу.

Плачу. Слезы душат.

Позвонила своей младшей сестре.

Конечно же выезжает.

Летит через всю страну.

Проститься. С Лизонькой.